

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ВЕЖЛИВОСТИ И СТРАТЕГИИ УКЛОНЕНИЯ В ТЕКСТАХ БЕСЕД И ИНТЕРВЬЮ С И. БРОДСКИМ

Н. А. МИХАЛЬЧУК¹⁾

¹⁾Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Беларусь

Рассматриваются некоторые аспекты проблемы специфики языковой личности И. Бродского – реализация принципа вежливости Дж. Лича, а также стратегия уклонения в текстах бесед и интервью с поэтом. Доказывается, что в устной речи И. Бродский корректно соблюдает максимы одобрения и скромности в рамках принципа вежливости Дж. Лича. Обосновывается, что объектами одобрения могут выступать как собеседник, так и третьи лица. Дифференцированы моральные и эстетические оценки. Помимо собственно одобрения, в устной речи И. Бродского частотна интенция неосуждения. Отмечается, что косвенный способ выражения одобрения и осуждения поэт использует реже, чем прямой. Специфической чертой речевого поведения И. Бродского названо использование сложнооценочных интерпретационных субъективных высказываний и уклончивых ответов. В дискурсе И. Бродского выделяется особый вид уклонения – апелляция к своему художественному творчеству.

Ключевые слова: речевое поведение; принцип вежливости; максимы вежливости; уклончивый ответ; элитарная языковая личность.

Благодарность. Автор выражает благодарность за критические замечания и помощь в выполнении исследования профессору кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета доктору филологических наук Е. Г. Задворной.

РЭАЛІЗАЦЫЯ ПРЫНЦЫПУ ВЕТЛІВАСЦІ І СТРАТЭГІЇ Ў ТЭКСТАХ ГУТАРАК І ІНТЭРВ'Ю З І. БРОДСКІМ

Н. А. МИХАЛЬЧУК^{1*}

^{1*}Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова,
вул. Касманаўтаў, 1, 212022, г. Магілёў, Беларусь

Разглядаюцца некаторыя аспекты праблемы спецыфікі моўнай асобы І. Бродскага – рэалізацыя прынцыпу ветлівасці Дж. Ліча, а таксама стратэгія ўхілення ў тэкстах гутарак і інтэрв'ю з паэтам. Даказваецца, што ў вусным маўленні І. Бродскі карэктна прытрымліваецца максім адабрэння і сціпласці ў межах прынцыпу ветлівасці Дж. Ліча. Абгрунтоўваецца, што аб'ектам адабрэння ў дыскурсе паэта могуць выступаць як суразмоўца, так і трэція асобы. Дыферэнцыраваны маральныя і эстэтычныя ацэнкі. Акрамя ўласна адабрэння, у вусным маўленні І. Бродскага частотнай з'яўляецца інтэнцыя неасуджэння. Адзначаецца, што ўскосны спосаб выражэння адабрэння і асуджэння паэт выкарыстоўвае радзей, чым прамы. Спецыфічнай рысай маўленчых паводзін І. Бродскага называецца выкарыстанне складанаацэначных інтэрпрэтацыйных суб'ектыўных выказванняў і ўхілістых адказаў. У дыскурсе І. Бродскага вылучаецца спецыяльны від ухіленняў – апеляцыя да сваёй мастацкай творчасці.

Образец цитирования:

Михальчук НА. Реализация принципа вежливости и стратегии уклонения в текстах бесед и интервью с И. Бродским. Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2020;2:64–73.

For citation:

Mikhalchuk NA. Implementation of the politeness principle and evasion strategy in the texts of conversations and interviews with I. Brodsky. Journal of the Belarusian State University. Philology. 2020;2:64–73. Russian.

Автор:

Наталья Александровна Михальчук – кандидат филологических наук; доцент кафедры общего и славянского языкознания историко-филологического факультета.

Author:

Natalya A. Mikhalchuk, PhD (philology); associate professor at the department of general and Slavic linguistics, faculty of history and philology.
n-mikhalchuk@list.ru

Ключавыя словы: маўленчыя паводзіны; прынцып ветлівасці; максімы ветлівасці; ухілісты адказ; элітарная моўная асоба.

Падзяка. Аўтар выказвае падзяку за крытычныя заўвагі і дапамогу ў выкананні даследавання прафесару кафедры агульнага мовазнаўства Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта доктару філалагічных навук А. Г. Задворнай.

IMPLEMENTATION OF THE POLITENESS PRINCIPLE AND EVASION STRATEGY IN THE TEXTS OF CONVERSATIONS AND INTERVIEWS WITH I. BRODSKY

N. A. MIKHALCHUK^a

^a*Mogilev State A. Kuleshov University, 1 Kasmanaitaŭ Street, Mahilioŭ 212022, Belarus*

Some aspects of the problem of language personality specificity of I. Brodsky are analyzed – the implementation of the principle of politeness of G. Leech and also analysis of the strategy of evasion in the texts of conversations and interviews with the poet. It is proved that in oral speech I. Brodsky correctly observes the maxims of approval and modesty in the framework of the principle of politeness of G. Leech. It is justified that the object of approval can be both the interlocutor and third parties, moral and aesthetic assessments are differentiated. In addition to the actual approval, in the oral speech of I. Brodsky the intention of non-condemnation is evident. It is noted that the poet uses the indirect way of expressing approval and condemnation less often than the direct one. The specific features of Brodsky's speech behavior are the use of complex interpretative subjective statements and evasive answers. In I. Brodsky's discourse a special kind of evasion is distinguished, this is an appeal to his artistic creativity.

Keywords: speech behavior; principle of politeness; maxims of politeness; evasive answer; elite language personality.

Acknowledgements. The author is grateful for critical comments and help in performing the study to the doctor of science (philology), professor at the department of general linguistics of Minsk State Linguistic University E. G. Zadvorniy.

Введение

Антропоцентрическая парадигма лингвистики XX в. включает несколько разных, но взаимосвязанных направлений, среди которых выделяется коммуникативная лингвистика: ее определяет интерес к человеку в ракурсе процесса коммуникации. В рамках антропоцентрического подхода диктуется необходимость изучения речевой коммуникации отдельной личности, частных реализаций дискурса, создаются условия для всесторонней оценки языковой личности в пределах индивидуального речевого поведения.

Речевое поведение, одно из фундаментальных лингвистических и психологических понятий, было объектом исследования в трудах Т. Г. Винокур [1], Н. И. Формановской [2], К. Ф. Седова [3] и др. Т. Г. Винокур рассматривает речевое поведение в качестве самостоятельного предмета лингвистики. По определению ученого, речевое поведение – это «речевые поступки индивидуумов в предлагаемых обстоятельствах, отражающих специфику языкового существования данного говорящего коллектива в данном общественном устройстве» [1, с. 12].

Термин «языковая личность» был введен в научный оборот В. В. Виноградовым в 1930-х гг. в книге «О языке художественной прозы» [4]. Под «языковой личностью» Ю. Н. Караулов понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [5, с. 3].

Изучение речевого поведения наших современников и предшественников – ученых, деятелей культуры и искусства, политических деятелей, телеведущих, а также персонажей художественного текста в последнее время все чаще вызывает исследовательский интерес. В данном направлении примечательны работы Н. И. Белуновой [6], И. Н. Казаковой [7], Л. М. Салимовой [8], Г. Г. Хисамовой [9], А. Д. Степанова [10]. При этом речевое поведение персонажей художественного текста было исследовано более детально и основательно по сравнению с речевым поведением реальных исторических языковых личностей. Так, специфике языковых личностей персонажей А. Чехова, В. Шукшина, В. Набокова посвящены монографии и диссертационные исследования. В то же время анализ речевого

поведения Д. С. Лихачева и Ю. М. Лотмана на основании текстов интервью с данными деятелями науки дается лишь в отдельных статьях.

В лингвистике были предприняты и попытки дифференциации моделей речевого поведения. Так, понятие типа речевой культуры, введенное в научный оборот О. Б. Сиротининой, оказалось исключительно актуальным в условиях современной языковой и социокультурной ситуации. В статье «Устная речь и типы речевых культур» (1995) исследователь определяет пять типов речевой культуры, среди которых называет элитарный [11]. Принадлежность к данному типу речевой культуры лингвист напрямую соотносит с обладанием личностью определенным уровнем как общей, так и языковой культуры. У языковой личности, характеризующейся как элитарная, исключительно значимым является наличие не только речевых, но и определенных психологических навыков, среди которых О. Б. Сиротинина называет самоконтроль, отсутствие самоуверенности, уважение к собеседнику, вообще к людям, тягу к искусству, литературе в их лучших образцах и ко всем знаниям и др. [11].

И. А. Стернин, опираясь на классификацию О. Б. Сиротининой, предлагает несколько видоизмененную дифференциацию, разграничивая элитарный, литературный, среднелитературный, фамильярно-разговорный и просторечно-жаргонный типы [12].

Для каждого из выделенных типов речевой культуры разные исследователи предлагают собственную модификацию, акцентируя те или иные наиболее значимые свойства. Например, с точки зрения Т. А. Островской, элитарную языковую личность отличает высокий уровень адаптивности речевого поведения, коммуникативная гибкость. Среди важнейших параметров элитарного типа речевой культуры И. А. Стернин называет «некатегоричность в оценках»; «“неперенос” того, что типично для устной речи, в письменную речь, а того, что свойственно письменной речи, в устную»; «умение использовать сниженную лексику и фразеологию в экспрессивных, художественно-изобразительных целях» [12, с. 5].

Не до конца решенной является проблема отнесения классиков литературы, выдающихся деятелей культуры, науки и искусства к тому или иному типу речевой культуры. Велико искушение оценивать результаты творческой и научной деятельности этих языковых личностей, а не их реальную коммуникацию, отраженную в текстах бесед и интервью, в записях спонтанной речи. По нашему мнению, такой подход является ошибочным, что мы и показываем в своей статье.

Теоретические основы исследования

Исследование посвящено отдельным аспектам проблемы изучения языковой личности И. Бродского – рассмотрению реализации принципа вежливости Дж. Лича в устной речи поэта [13], а также выявлению специфики его речевого поведения в текстах бесед и интервью. Устная речь И. Бродского анализируется на материале изданий «Диалоги с Иосифом Бродским» С. Волкова [14] и «Большая книга интервью» [15]. Высказывания, релевантные для проблематики статьи, отбирались методом сплошной выборки.

Для достижения цели исследования использовались метод контекстуального анализа в качестве основного, описательный метод, методы анализа и синтеза.

Принцип вежливости, сформулированный в 1983 г. в работе «Принципы прагматики» британским лингвистом Дж. Личем, является классическим и фундаментальным, относится к сфере речевого этикета и может быть определен как принцип взаиморасположения коммуникантов в рамках речевого акта. Принцип вежливости включает следующий набор максим: максимы такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия и симпатии.

В ходе исследования в текстах бесед и интервью с И. Бродским были проанализированы следующие группы речевых актов: речевые акты одобрения, похвалы, комплимента, неодобрения, самокритики, самоупрека, отказа.

В лингвистической прагматике выделяются три типа речевых актов, с помощью которых говорящий дает высокую оценку качествам, действиям адресата: одобрение, похвала, комплимент.

Вопрос о соотношении данных типов высказываний в научной литературе решается неоднозначно. Различия концепций связаны с такими основными причинами, как отсутствие дифференциации комплимента и похвалы в трудах ученых (зарубежные лингвисты), отождествление похвалы и одобрения (Е. С. Петелина, А. А. Романов), рассмотрение похвалы и одобрения как смежных, но не идентичных положительно-оценочных речевых актов (И. Г. Дьячкова, Н. А. Бигунова, З. К. Темиргазина, М. С. Бачурка). Н. И. Формановская максимально сближает и объединяет похвалу и одобрение, описывая их как «род речевых действий, направленных на подбадривание собеседника, на создание у него хорошего настроения» [16, с. 308].

Мы разделяем точку зрения Н. А. Бигуновой, которая в качестве объектов одобрения рассматривает неодушевленные предметы, идеи, явления; похвалу трактует как речевой акт, направленный на собе-

седника либо отсутствующего в коммуникативном пространстве человека, а ее объектом считает качества, умения, поступки, внешность или манеры адресата (явного или отсутствующего) [17].

Соотношение понятий «неодобрение», «осуждение» и «порицание» в научной литературе у разных авторов (Т. К. Соловьева, О. А. Евтушенко, Т. А. Графова, И. Г. Дьячкова, С. Ф. Анисимов) различно. Нам близка точка зрения Е. В. Тетерлевой, рассматривающей речевые акты неодобрения как выражение отрицательной оценки и выделяющей частные прагматические значения речевого акта неодобрения: упрек, замечание, осуждение, предупреждение, угрозу, критику, порицание.

Речевым актом самоупрека мы считаем речевой акт упрека, адресатом и адресантом которого является один и тот же человек, демонстрирующий неудовлетворение своими поступками или поведением. Речевым актом самокритики считаем речевой акт, выражающий общую отрицательную оценку, даваемую говорящим самому себе.

Речевой акт отказа реализует интенцию, угрожающую лицу адресата; предпочтительной, более вежливой выступает косвенная форма его выражения (П. Браун и С. Левинсон [18], Н. И. Формановская [2], Т. В. Нестерова [19]). Одним из видов не прямых речевых актов отказа являются уклончивые ответы. Основным признаком уклончивых ответов лингвисты называют их семантическую неопределенность. Выделяются различные типы уклончивых ответов, например, в пособии В. И. Шляхова, Л. Н. Саакяна, Н. Н. Толстовой [20], в статье Е. Г. Задворной [21].

В рамках данной статьи элитарной языковой личностью мы считаем личность, строго соблюдающую базовые принципы речевого общения: вежливости, кооперации, толерантности, категоричности, точности, определенности, объективности, достоверности, прямоты.

Результаты и их обсуждение

Отметим ряд специфических особенностей речевого поведения И. Бродского.

1. Корректное соблюдение максим одобрения и скромности в рамках принципа вежливости

Дж. Лича

Максима одобрения. Обращает на себя внимание значимость в дискурсе поэта максимы одобрения Дж. Лича, которая гласит: «Своди к минимуму отрицательную оценку других, стремись к максимально положительной оценке других».

Собственно одобрение. Дискурс И. Бродского характеризуется преобладанием прямых речевых актов одобрения и похвалы над косвенными, последние встречаются в единичных случаях: *Если внимательно читать стихи Фроста, то, конечно, за них можно дать Пулитцеровскую премию* (косвенный речевой акт похвалы) [14, с. 131].

Обращение поэта к речевым актам одобрения и похвалы в целом реализует стратегию позитивной вежливости, т. е. имеет целью проявление внимания к собеседнику или выражение значимых в системе ценностей адресанта идей, высокой оценки качеств и поступков третьих лиц, как этической, так и эстетической. Похвала может быть направлена на собеседника: *Вы, Соломон, задаете замечательные вопросы...* [14, с. 45]. В большинстве же случаев объектами похвалы выступают третьи лица. В дискурсе И. Бродского дифференцируются этические и эстетические оценки. Так, М. Барышников оценивается поэтом как **совершенно** (здесь и далее выделено нами. – Н. М.) **потрясающий человек, человек потрясающего ума и интуиции. Он на меня производил и производит колоссальное впечатление. Причем вовсе не своими качествами танцовщика... А прежде всего – своим совершенно невероятным природным интеллектом** [14, с. 236].

Похвала, связанная с этической оценкой действий и качеств лиц, не участвующих в разговоре, адресована в речи И. Бродского не только выдающимся деятелям культуры, но и крестьянам, с которыми поэт вынужден был делить быт в ссылке в Норенском, а также друзьям из Ленинграда: *Вообще вся эта деревенская публика... была совершенно замечательная... Люди там, в деревне, колоссально добрые и умные* [14, с. 107]; *[Шахматов, знакомый офицер] был человеком весьма незаурядным: колоссальная способность к музыке, играл на гитаре, вообще талантливая фигура. Общаться с ним было интересно* [14, с. 80].

Объектом позитивных эстетических оценок в интервью поэта регулярно выступает творчество художников слова различных эпох: Г. Державина, П. Катенина, П. Вяземского, Н. Дмитриева, И. Крылова, В. Набокова, А. Солженицына, М. Цветаевой, А. Ахматовой, Р. Фроста, У. Одена, Н. Заболоцкого, С. Довлатова, А. Кушнера, Е. Рейна, В. Гандельсмана. Ср.: *Русская басня – совершенно потрясающая вещь. <...> Крылов – гениальный поэт, обладающий звуком, который можно сравнить с державинским* [14, с. 62]; *Я его (Державина. – Н. М.) обожаю – я обожаю всех классицистов* [15, с. 570]; *[Цветаева – явление] совершенно уникальное* [15, с. 92]; *Самые потрясающие стихи о лагерях, о лагерном опыте принадлежат перу Заболоцкого* [14, с. 201].

Этические и эстетические оценки выражаются, как правило, очень интенсивно, с использованием эмоционально-оценочной лексики со значением высокой степени положительной оценки (*замечательный, незаурядный, колоссальный, потрясающий*), лексического повтора (*Он (Довлатов. – Н. М.) был замечательный писатель, замечательный стилист* [15, с. 577]), гиперболы (*Для меня Александр Исаевич – это совершенно замечательный писатель, чьи книги должны прочесть все триста миллионов людей, проживающих в Советском Союзе* [15, с. 470]). В речевых актах похвалы и одобрения функционируют лексические интенсификаторы (*совершенно, колоссально, чрезвычайно*) и синтаксические – сегментация, восклицательные конструкции: *А Катенин! Ничего более пронзительного про любовный треугольник нет ни у кого; Или – Вяземский: на мой взгляд, крупнейшее явление в пушкинской «Плеяде»; Например, Дмитриев с его баснями. Какие стихи!* [14, с. 62]; *Цветаева. Она, по-моему, величайшая. Величайшим поэтом двадцатого века была женщина!* [15, с. 45].

Речевые акты похвалы и одобрения могут интегрироваться в дискурсе поэта с речевыми актами сожаления в том случае, когда речь идет о крупной фигуре в литературе и искусстве, не получившей должной оценки потомков и современников: *Вообще Заболоцкий – фигура недооцененная. Это гениальный поэт* [14, с. 199].

Коммуникативная цель – утверждение собственной оценки – может быть реализована путем интеграции речевых актов похвалы и несогласия: *«Ахматова никогда не казалась мне высокой». – «О, она была грандиозная! Когда я с ней гулял, то всегда тянулся»* [14, с. 173]; *«Сама Ахматова всегда говорила, что первый поэт XX века Мандельштам. Вы с этим согласны?» – «Ну если уж вообще пускаться в такие разговоры, то нет, не согласен. Я считаю, что Цветаева – первый поэт XX века. Конечно, Цветаева»* [14, с. 75].

В дискурсе И. Бродского похвала сочетается с порицанием или критикой, что демонстрирует смягчение реализации интенции, стремление адресанта к правдивому, объективному отражению порядка вещей: *Сам Ардов, при всех его многочисленных недостатках, был человек чрезвычайно остроумный* [15, с. 317].

Неосуждение (толерантные высказывания). Помимо собственно одобрения, в дискурсе поэта представлена интенция неосуждения. Данная интенция реализуется толерантными высказываниями, направленными на явления, которые адресант, исходя из своей системы ценностей, не одобряет, но понимает и принимает.

Ср. высказывания о родителях: *Ну, отец наказывал меня! <...> Я помню, как он растянул свой матросский ремень и выпорол меня, когда я натворил что-то ужасное... Ну и что же! Я ведь не был против!; Родители столько ругали меня, что я получил настоящую закалку против такого рода воздействий. Все неприятности, которые причинило мне государство, не шли с этим ни в какое сравнение* [15, с. 180]; о поведении персонала психиатрической больницы: *Обычно серу колют буйным, когда они начинают метаться и скандалить. Но, кроме того, санитарки и медбратья таким образом просто развлекаются. Ну, каждый развлекается как может. А там, в психушке, служить скучно, в конце концов* [14, с. 91]; о содержании заключенных в тюрьме: *Тюрьму можно перетерпеть. Ничего особенного с вами там не происходит. <...> В тюрьме, по крайней мере, вы знаете, что вас ожидает. У вас срок – от звонка до звонка...* [14, с. 92].

Приведем также некоторые толерантные высказывания о художественном творчестве: *Северянин – это меня всегда скорее отталкивало, чем привлекало. Но он тоже на своем месте, если говорить о двадцатом веке* [15, с. 349]; *Евтушенко, при всей его монструозности – личной, политической и т. д., – мне все-таки симпатичнее (чем Вознесенский. – Н. М.), потому что его язык – это все-таки русский язык* [15, с. 234].

Подобные высказывания характеризуют поэта как личность, которой свойственна высокая степень терпимости к иному образу жизни, мировоззрению, поступкам и обычаям, а в творчестве – к иным, чем у него самого, типу поэтики, художественному методу. А. К. Жолковский справедливо утверждает: «Бродского интересуют “альтернативные варианты” поведения, мироощущения, жизни, бытия» [22, с. 272].

Неодобрение. Есть в личностном и творческом пространстве поэта и зона неприемлемого, она также включает эстетический и этический уровни оценивания.

Неодобрение может быть направлено на третьих лиц и связано с этической оценкой их действий и поступков: *Конечно, Пушкины – одно из самых гнусных явлений, которое мне довелось наблюдать в своей жизни* [15, с. 343]. Частотность прямого осуждения свидетельствует о максимализме оценок И. Бродского, его бескомпромиссности при затрагивании неприемлемого в морально-этической сфере.

Косвенный способ выражения осуждения, при всей его высокой употребительности в русскоязычном речевом общении и вопреки гиперстратегии скрытых «ликоугрожающих актов», предложенной в рамках прагматического лингвистической теории вежливости П. Браун и С. Левинсона [18], в дискурсе поэта

используется значительно реже, чем прямой: *Вдруг звонит мне из Москвы заведующий отделом поэзии «Юность» – как же его звали? Это неважно, потому что все равно пришлось бы сказать о нем, что подонок. Так зачем же человека по фамилии называть?* [14, с. 146]. Косвенная реализация интенции неодобрения в данном примере незначительно смягчает категоричность высказывания и не переводит речевой акт в русло кооперативного, этикетного общения.

В дискурсе И. Бродского фигурируют сложнооценочные интерпретационные субъективные высказывания, направленные на личность или творчество крупных деятелей искусства и культуры, которым поэтом даются резко отрицательные оценки (об интерпретационных значениях см. [23]). По мнению Ю. Д. Апресяна, «вследствие своей внутренней близости оценки и интерпретации могут легко совмещаться друг с другом в пределах одного глагола» [23, с. 151]. Это мы и наблюдаем в приведенных ниже примерах.

К подобным высказываниям можно отнести следующие речевые акты порицания и критики: *Блока я терпеть не могу* [15, с. 298]; *Блока, к примеру, я не люблю теперь пассивно, а раньше – активно. За дурновкусие. На мой взгляд, это человек и поэт во многих своих проявлениях чрезвычайно пошлый* [14, с. 303]; *Некрасов – нет. Никогда... Никаких духовных перспектив у Некрасова не существует. Ни в стихе, ни в эстетике, ни в содержании* [15, с. 350]; *На мой взгляд, это дурной человек* (Евтушенко. – Н. М.), *негодяй, – это мое личное ощущение, основанное на личном опыте, – но, кроме того, это чрезвычайно вредная фигура на литературном и политическом горизонте* [15, с. 357]; *Я отношусь к этому писателю (Саше Соколову. – Н. М.) чрезвычайно посредственно... Это такая в высшей степени провинциальная отечественная идея современной прозы, и, разумеется, есть люди, на которых это производит впечатление* [15, с. 590].

Однозначно трактовать подобные негативно-оценочные высказывания весьма сложно. С одной стороны, излишне категоричная речь, как правило, приводит к различным коммуникативным сбоям и неудачам вплоть до полного прекращения речевого контакта. Категоричность в выражении суждений предполагает пренебрежение мнением собеседника, неуважение к его позиции. О. Б. Сиротинина подчеркивает, что в характеристике носителя элитарного типа речевой культуры важное место занимает его отношение «к истинно образцовым текстам, играющим основополагающую роль в данной национальной культуре, составляющим золотой фонд художественной литературы, науки и публицистики» [24, с. 196].

С другой стороны, речевые жанры интервью и беседы предполагают и допускают возможность субъективных оценок. Ряд лингвистов дифференцируют категоричность непродуктивную, неэтикетную, нарушающую принцип кооперации, и продуктивную, способствующую эффективному воздействию на адресата (О. А. Акульшина, М. А. Кормилицына, Е. Ю. Викторова).

На наш взгляд, безапелляционность ряда оценок и мнений препятствует восприятию И. Бродского как элитарной языковой личности. Негативно-оценочные высказывания, направленные на классиков литературы, наиболее любимых в отечественном культурном контексте, требуют обязательных маркеров смягчения, не прямой формы выражения. В то же время аргументы против подтверждают вывод О. Б. Сиротининой о том, что элитарный тип речевой культуры всего лишь задает направление духовного и творческого роста, являясь высоким идеалом, который в полном объеме ни одна личность воплотить не может [24].

Максима скромности. В текстах интервью И. Бродский неизменно и последовательно придерживается максимы скромности Дж. Лича [13], которая предполагает неприятие похвал в свой адрес, минимальное использование похвал и максимальное – порицаний говорящего по отношению к самому себе, а также реалистическую самооценку коммуниканта, являющуюся одним из условий успешности речевого общения.

Средством выражения максимы скромности выступают речевые акты самокритики и самоупрека, которые содержат высокую степень угрозы коммуникативному лицу говорящего, а также косвенные речевые акты неодобрения, в которых поэт отвергает похвалу в свой адрес: *«Как ты чувствуешь себя после получения Нобелевской премии?» – «Ничего специфического, качественно нового я не чувствую. Более того, я не чувствую себя нобелевским лауреатом. Чувствую себя просто исчадием ада, как всегда, как всю жизнь...»* [15, с. 336] (прямой речевой акт самокритики); *«Почему ты себя считаешь исчадием ада?» – «Ну, просто достаточно, во-первых, взглянуть в зеркало... Достаточно припомнить, что я натворил в этой жизни с разными людьми...»* [15, с. 337] (прямой речевой акт самоупрека); Волков: *«Насколько я знаю, в вашем деле побег как таковой не фигурировал, а только подготовка к нему. Что же вас остановило?» Бродский: «Дело в том, что изначально это была все-таки моя идея. И я, конечно, подонок и негодяй. Потому что, когда мы уже купили билеты на этот самолет... я вдруг передумал»* [14, с. 82] (прямой речевой акт самоупрека); *То есть ты про себя знаешь, что ты исчадие ада, что ты до известной степени дрянь. <...> Это то, что ты есть, а не то, что происходит с тобой вовне* [15, с. 623] (косвенный речевой акт самокритики); *«И мне хотелось бы спросить*

вас, великого поэта...» – «*А можно без эпитетов?*» – «Да, конечно...» – «Просто – о чем вы хотели спросить...» [15, с. 453] (косвенный речевой акт неодобрения).

Данная группа речевых актов не характеризуется высокой употребительностью в речевом общении, так как наносит угрозу лицу говорящего. Тем не менее в дискурсе И. Бродского данный тип речевых актов является частотным.

Коммуникативная установка поэта на самокритику, безусловно значимая в его речевом поведении, находится в непосредственной связи с его философскими взглядами и мировоззренческими принципами, аттестацией себя самого как «кальвиниста»: *Кальвинизм – это весьма жесткие счёты человека с самим собой, со своей совестью, с сознанием. <...> Кальвинист – это, коротко говоря, человек, постоянно творящий над собой некий вариант Страшного суда* [14, с. 48].

Оценки, выраженные в речевых актах самоупрека и самокритики, в дискурсе И. Бродского относятся преимущественно к морально-этической сфере. Безапелляционно отрицательные оценки собственного творчества в текстах интервью И. Бродского отсутствуют. Рассматриваемые речевые акты самокритики и самоупрека экспрессивны, эмоциональны и категоричны. Для их лингвистической реализации характерно использование эмоционально-оценочной лексики (*исчадие ада, натворил*), лексических единиц сниженного регистра (*негодяй*), инвектив (*подонки, дрянь*).

Показательно, что ни в одной из речевых ситуаций говорящим не приводится оправдание своих поступков или действий, т. е. стремление к снижению ответственности за содеянное и минимизации ущерба, наносимого себе как участнику коммуникации, в дискурсе поэта отсутствует.

2. Уклончивые ответы в устной речи И. Бродского

В речи поэта нечасто встречаются речевые акты, задевающие и обижающие собеседников. Одной из знаменитых оплошностей И. Бродского является ответ на вопрос, заданный литовским поэтом и его другом Т. Венцловой: «*А какое впечатление на тебя вообще произвели шведские академики?*» – «*Все восемнадцать произвели на меня чрезвычайно благоприятное впечатление. Это люди – любопытные, с воображением и с большой интуицией. Безусловно, умны, безусловно, чрезвычайно образованны. Им присущ некоторый, конечно, элемент провинциализма... присущий всякой балтийской или прибалтийской державе...*» – «Спасибо». – «*На здоровье. Но положительное впечатление сложилось наверняка. И потом: что есть Россия, как не прибалтийская держава – и как не большая провинция...*» [15, с. 346].

Поскольку интервьюер – литовец, комментарий И. Бродского о провинциализме балтийских держав оскорбил собеседника, так как содержал неуважение к его национальным чувствам. Однако И. Бродскому виртуозно удалось избежать конфликта и вернуть общение в русло этикетного, используя тактику переадресации упрека самому себе.

Несравнимо чаще нарушение принципов коммуникативного кодекса наблюдается со стороны собеседников поэта. Так, самой частотной в плане игнорирования интервьюерами является максима такта, сформулированная в рамках принципа вежливости Дж. Личем. Она предполагает соблюдение границ личной сферы любого человека и дифференциацию в составе речевого акта области общего и частного. И поэт – прямо или косвенно, но всегда деликатно – указывает интервьюеру, что он нарушает нормы этикета и затрагивает то, что входит в личное пространство.

В «Большой книге интервью» (как и в целом для мировоззрения поэта) значимой является тема *privacy*, которая находится под угрозой, нарушается партнерами по коммуникации, в результате чего ее следует охранять. (Закономерно, что любимым произведением В. Набокова И. Бродский называл роман-антиутопию «Приглашение на казнь», в котором, по мысли А. К. Жолковского, одной из магистральных является та же тема [22].)

Неоднократно в ответах поэта звучат следующие (и схожие) формулировки: «*Мне кажется, что вопрос, который Вам часто задают о поездке в Советский Союз, Вам немного неприятен?*» – «В общем, да, **потому что это мое личное дело** – куда мне ехать, а куда – нет» [15, с. 470]; «*Каковы ваши религиозные убеждения?*» – «*Религиозные убеждения каждого человека – это его сузубо личное дело*». – «*Именно поэтому я об этом и спросила*». – «*Именно поэтому я ничего рассказывать не стану*» [15, с. 368].

Подобные высказывания являются негативно-оценочными характеристиками чужой речи – косвенными упреками в адрес партнеров по коммуникации, нарушающих этические и этикетные нормы общения.

Категоричность рассмотренного выше типа речевых актов в ряде случаев смягчается подробной аргументацией, объяснением причин отказа говорить на данную тему: *Говоря о подобных вещах (о вере. – Н. М.) публично, слишком часто кончают попыткой обратить в свою собственную веру; искусы тут слишком велики... Людей следует оставить разбираться со всем самим. К вере приходят, а не получают готовой. Жизнь зарождает ее в людях и растит, и этих усилий жизни ничем не заменишь. Это действительно работа, и пусть ее делает время – потому что время справляется с ней много лучше* [15, с. 454].

На вопросы, затрагивающие то, что входит в личную зону адресата, И. Бродский отвечает путем непрямого отказа или уклонения, что помогает сохранить зону согласия и благорасположения.

Тематически вопросы можно дифференцировать следующим образом:

- 1) о вере или религии (то, что с точки зрения этикета обсуждать не принято);
- 2) о событиях частной жизни поэта в том случае, когда от адресата требуется потенциально травмирующая информация (судебный процесс, высылка из страны, возможность возвращения в Россию);
- 3) о личностях, имеющих большое значение для мировоззрения и творчества И. Бродского, которым он уже посвятил свои произведения, вследствие чего исчерпывающе ответил на задаваемый вопрос в художественной форме (Ахматова, Цветаева, Оден, Фрост).

В дискурсе И. Бродского следует говорить о специфическом виде уклонения, свойственном именно художнику слова: апелляции к своему творчеству, констатации того, что лучше, чем он ответил на вопрос в художественном тексте, в устной спонтанной речи ответить не сможет: *«А какое значение имела для вас дружба с Анной Ахматовой?» – «Вы знаете, мне трудно об этом говорить, прежде всего потому, что это была только часть моей жизни. <...> Мне трудно об этом говорить, поскольку я об этом написал».* – *«Должен признаться, что сейчас вообще очень трудно брать у вас интервью, поскольку почти обо всем вас уже спрашивали».* – *«Дело не в том, что меня обо всем спрашивали, а в том, что я уже об этом писал. И не думаю, что в разговоре могу быть более точным, чем на бумаге»* [15, с. 122]; *Человеку трудно рассказывать о самом себе. К тому же терпеть не могу повторять одно и то же. Думаю, что все самое главное, о чем я мог сказать, так или иначе отражено в моих произведениях* [15, с. 318]; *Действительно, все, что я могу сказать об этом, думаю, я уже сказал на бумаге. Я не говорящий, а пишущий писатель...* [15, с. 479].

Уклончивость как защитную реакцию поэта наблюдаем в ряде фрагментов диалогов: *«Если у вас будут возражения против следующего вопроса, пожалуйста, скажите».* – *«Давайте».* – *«Я хочу спросить про судебный процесс».* – *«То было много лун тому назад. В этом нет ничего интересного».* – *«Каково ваше отношение к религии?»* – *«Это один из вопросов, которые не принято задавать, как и отвечать на них»* [15, с. 268].

В следующем фрагменте уклончивость используется как следствие нежелания обсуждать политическую тему: *«Можем ли мы поговорить минутку о современной политике?»* – *«Давайте».* – *«Думаете ли Вы, что Горбачев осуществит серьезные перемены?»* – *«Когда Горбачев стал генеральным секретарем, Дерек Уолкотт спросил меня, что я о нем думаю. Откровенно говоря, сказал я, ничего, и надеюсь, что это взаимно. С тех пор мое мнение не изменилось»* [15, с. 270].

Уклончивость может быть следствием вопроса, на который невозможно дать определенный или достоверный ответ: *«Что вы думаете о будущем России?»* – *«Ну, будущее – это будущее, и в будущем масса вариантов. По крайней мере, оно будет лучше, чем прошлое. Это несомненно»* [15, с. 464].

Уклончивость помогает уйти от ответа на вопрос, не учитывающий особенностей личности адресата. Примером подобного коммуникативного диссонанса являются фрагменты интервью, в которых И. Бродского просят интерпретировать с литературоведческой точки зрения собственные поэтические тексты, подтвердить или опровергнуть наличие в них определенных мотивов, тем или результатов влияний других авторов: *«Тем не менее, как мне кажется, тема христианства не обозначена довольно отчетливо, выпукло, что ли, в вашей поэзии. Или я ошибаюсь?»* – *«Думаю, что вы ошибаетесь».* – *«Не могли бы вы сказать об этом подробнее?»* – *«Я не буду пересказывать содержание своих стихотворений, их форму, их язык. Не мне об этом судить, не мне об этом рассуждать. Думаю, оно как-то проявляется в системе ценностей, которые в той или иной степени присутствуют в моих произведениях, которые мои произведения отражают...»* [15, с. 480].

Отказ от прямого ответа, не прямой речевой акт могут быть реализованы в форме отсылки к литературному источнику: *«Один из ваших сборников вы назвали “Урания” – именем музы, покровительницы астрономии. Что она для вас значит?»* – *«Она значит для меня довольно много, но если вы хотите узнать точно, то посмотрите... кажется, это двадцать третья песнь в “Чистилище” Данте. Там на сей счет все сказано»* [15, с. 472].

Основными техниками уклонения, используемыми поэтом, являются неопределенный ответ (*Ну, будущее – это будущее, и в будущем масса вариантов*), критика вопроса (*Это один из вопросов, которые не принято задавать, как и отвечать на них*), утверждение, что ответ был дан ранее, в текстах произведений (*Мне трудно об этом говорить, поскольку я об этом написал*), цитирование (*Мрожек изрек когда-то чрезвычайно верную истину: «Я писатель пишущий, а не писатель говорящий», – и я готов повторить эту истину как свою собственную*), шутка. Шутливая уклончивость может быть реакцией на несодержательный и некорректный вопрос: *«Нравятся ли Вам красивые женщины, если да, что в них нравится?»* – *«Да, нравятся, но, чур, я не Маркс, чтобы формулировать»* [15, с. 661].

На основании анализа этого и других аспектов устной речи И. Бродского можно сделать вывод о том, что поэт приближается к носителям элитарного типа речевой культуры, но представителем его, по нашему мнению, не является. В пользу этого свидетельствует несоблюдение поэтом ряда базовых принципов речевого общения, например, нарушение принципа некатегоричности. Результаты нашего исследования показывают строгое соблюдение поэтом максим одобрения и скромности в рамках принципа вежливости Дж. Лича.

Максима такта также в целом не нарушается И. Бродским, зато нередко игнорируется интервьюерами. В устной речи И. Бродского наблюдаются случаи нарушения принципа кооперации. Так, интенция неодобрения по отношению к третьим лицам в большинстве случаев выражается в прямой, а не в косвенной форме.

Прямые речевые акты одобрения и похвалы в спонтанной диалогической речи поэта характеризуются наибольшей частотностью по сравнению с косвенными. В дискурсе поэта похвалу и одобрение можно дифференцировать по следующим основаниям: по цели использования – «позитивная» и «негативная» вежливость, а также выражение субъективных оценок, основополагающих в системе ценностей И. Бродского идей; по объекту похвалы – собеседник или третье лицо; по характеру оценки – этическая или эстетическая. Наиболее часто стратегия похвалы реализуется по отношению к третьему лицу в целях выражения наиболее значимого в системе ценностей поэта.

Наряду с собственно одобрением выделяется интенция неосуждения, представленная толерантными высказываниями, что свидетельствует об интересе И. Бродского к «альтернативным вариантам» поведения и мироощущения (А. К. Жолковский).

Интенция осуждения реализуется поэтом в том случае, когда речь идет о неприемлемом для него в этической или эстетической сфере, и способ ее реализации, как правило, прямой.

Сложнооценочные интерпретационные субъективные высказывания поэта типа *Блока я терпеть не могу* можно интерпретировать различными способами: как неуважение к собеседнику или искренность и доверие к нему. По нашему мнению, адресанту подобных негативно-оценочных высказываний, направленных на классиков литературы, наиболее любимых в отечественном культурном контексте, следует их смягчать и формулировать в косвенной форме.

Частотность самокритики и самоупреков в разговорном дискурсе поэта связана с его мировоззренческими принципами и относится к морально-этической сфере.

Непрямые реализации интенции отказа в речи И. Бродского помогают сохранить атмосферу благожелательности в общении. Особый вид уклонения, выделяемый в его разговорном дискурсе, – ссылка на то, что на вопрос он уже ответил в текстах своих произведений.

В дискурсе И. Бродского встречаются следующие типы уклончивых ответов: уклончивость как защитная реакция, нежелание обсуждать тему, реакция на несодержательный вопрос, реакция на вопрос, не учитывающий особенностей личности творческого человека. Среди частотных техник уклонения выделяются неопределенный ответ; критика вопроса; утверждение, что ответ был дан ранее, в текстах произведений; цитирование; шутка.

Библиографические ссылки

1. Винокур ТГ. *Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения*. Москва: Ленанд; 2017. 176 с.
2. Формановская НИ. *Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения*. Москва: Институт русского языка имени А. С. Пушкина; 1998. 291 с.
3. Седов КФ. *Онтопсихоллингвистика: становление коммуникативной компетенции человека*. Москва: Лабиринт; 2008. 318 с.
4. Виноградов ВВ. *О языке художественной прозы*. Москва: Наука; 1980. 362 с.
5. Караулов ЮН. *Русский язык и языковая личность*. Москва: Либроком; 2014. 264 с.
6. Белунова НИ. *Элитарная речевая культура и ее основные особенности. На материале дружеских писем творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в.* Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 2009. 104 с.
7. Казакова ИН. Элитарная языковая личность в портретном интервью: аспекты коммуникативного поведения. *Современные проблемы науки и образования*. 2014;2:36–39.
8. Салимова ЛМ. Элитарная языковая личность и проблемы интертекстуальности. *Российский гуманитарный журнал*. 2013;4:402–408.
9. Хисамова ГГ. *Диалог как компонент художественного текста (на материале художественной прозы В. М. Шукшина)*. Москва: МПГУ; 2007. 352 с.
10. Степанов АД. *Проблемы коммуникации у Чехова*. Москва: Языки славянской культуры; 2005. 396 с.
11. Сиротинина ОБ. Устная речь и типы речевых культур. *Русистика сегодня*. 1995;4:3–21.
12. Стернин ИА. *Типы речевых культур*. Воронеж: Истоки; 2013. 23 с.
13. Leech GN. *Principles of pragmatics*. London: Longman; 1983. 250 p.

14. Волков С. *Диалоги с Иосифом Бродским*. Москва: Эксмо; 2002. 446 с.
15. Бродский И. *Большая книга интервью*. Москва: Захаров; 2000. 703 с.
16. Формановская НИ. *Речевой этикет в русском общении: теория и практика*. Москва: ВК; 2009. 333 с.
17. Бигунова НА. Интеграция положительно-оценочных речевых актов в структуру диалогического дискурса (на материале современного английского языка). *Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина*. 2013;4:83–92.
18. Brown P, Levinson S. Universals in language usage: politeness phenomena. In: Goody E, editor. *Questions and politeness: strategies in social interaction*. Cambridge: Cambridge University Press; 1978. p. 56–310.
19. Нестерова ТВ. Непрямые (косвенные) реализации интенции отказа в речевом общении русских с позиций речевого этикета. *Русский язык за рубежом*. 2009;3:45–56.
20. Шляхов ВИ, Саакян ЛН, Толстова НН. *Иносказания в русском речевом взаимодействии*. Москва: Русский язык; 2014. 192 с.
21. Задворная ЕГ. Речевые тактики уклонения в повседневном межличностном общении. В: Харитончик ЗА, редактор. *Теория коммуникации. Языковые значения. Выпуск 2*. Минск: МГЛУ; 2002. с. 22–39.
22. Жолковский АК. *Блуждающие сны: из истории русского модернизма*. Москва: Советский писатель; 1992. 429 с.
23. Апресян ВЮ, Апресян ЮД, Бабаева ЕЭ, Богуславская ОЮ, Иомдин БЛ, Крылова ТВ. и др. *Языковая картина мира и системная лексикография*. Москва: Языки славянских культур; 2006. 912 с.
24. Сиротинина ОБ. *Все, что нужно знать о русской речи. Пособие для эффективного общения*. Москва: Ленанд; 2016. 224 с.

References

1. Vinokur TG. *Govoryashchii i slushayushchii: varianty rechevogo povedeniya* [The speaker and the listener: variants of speech behavior]. Moscow: Lenand; 2017. 176 p. Russian.
2. Formanovskaya NI. *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty edinits obshcheniya* [Communicative and pragmatic aspects of communication units]. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute; 1998. 291 p. Russian.
3. Sedov KF. *Ontopsikholingvistika: stanovlenie kommunikativnoi kompetentsii cheloveka* [Ontopsycholinguistics: formation of communicative competence of a person]. Moscow: Labirint; 2008. 318 p. Russian.
4. Vinogradov VV. *O yazyke khudozhestvennoi prozy* [About language of artistic prose]. Moscow: Nauka; 1980. 362 p. Russian.
5. Karaulov YN. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: Librokom; 2014. 264 p. Russian.
6. Belunova NI. *Elitarnaya rechevaya kul'tura i ee osnovnye osobennosti. Na materiale družeskikh pisem tvorcheskoi intelligent-sii kontsa XIX – pervoi chetverti XX v.* [Elite speech culture and its main features. Based on the material of friendly letters of the creative intelligentsia of the late 19th – first quarter of the 20th century]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University; 2009. 104 p. Russian.
7. Kazakova IN. [Elitist language personality in portrait interview: aspects of communicative behavior]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2014;2:36–39. Russian.
8. Salimova LM. Elitist linguistic personality and problems of intertextuality. *Liberal Arts in Russia*. 2013;4:402–408. Russian.
9. Hisamova GG. *Dialog kak komponent khudozhestvennogo teksta (na materiale khudozhestvennoi prozy V. M. Shukshina)* [Dialogue as a component of a literary text (based on the material of V. M. Shukshin's fiction)]. Moscow: Moscow Pedagogical State University; 2007. 352 p. Russian.
10. Stepanov AD. *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [Problems of communication in Chekhov's works]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2005. 396 p. Russian.
11. Sirotnina OB. [Oral speech and types of speech cultures]. *Rusistika segodnya*. 1995;4:3–21. Russian.
12. Sternin IA. *Tipy rechevykh kul'tur* [Types of speech cultures]. Voronezh: Istoki; 2013. 23 p. Russian.
13. Leech GN. *Principles of pragmatics*. London: Longman; 1983. 250 p.
14. Volkov S. *Dialogi s Iosifom Brodskim* [Dialogues with Joseph Brodsky]. Moscow: Eksmo; 2002. 446 p. Russian.
15. Brodsky I. *Bol'shaya kniga interv'yuu* [A big interview book]. Moscow: Zakharov; 2000. 703 p. Russian.
16. Formanovskaya NI. *Rechevoi etiket v russkom obshchenii: teoriya i praktika* [Speech etiquette in Russian communication: theory and practice]. Moscow: VK; 2009. 333 p. Russian.
17. Bigunova NA. The integration of positive-evaluative speech acts in dialogical discourse (on the material of modern English). *Vestnik Rjanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina*. 2013;4:83–92. Russian.
18. Brown P, Levinson S. Universals in language usage: politeness phenomena. In: Goody E, editor. *Questions and politeness: strategies in social interaction*. Cambridge: Cambridge University Press; 1978. p. 56–310.
19. Nesterova TV. Indirect (implicit) intention implementation of refusing in Russian speech communication. *Russkii yazyk za rubezhom*. 2009;3:45–56. Russian.
20. Shlyahov VI, Saakyan LN, Tolstova NN. *Inoskazaniya v russkom rechevom vzaimodeistvii* [Allegories in Russian speech interaction]. Moscow: Russkii yazyk; 2014. 192 p. Russian.
21. Zadvornaya EG. [Speech evasion tactics in everyday interpersonal communication]. In: Haritonchik ZA, editor. *Teoriya kommunikatsii. Yazykovye znacheniya. Vypusk 2* [Communication theory. Language meanings. Issue 2]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2002. p. 22–39. Russian.
22. Zholkovsky AK. *Bluzhdayushchie sny: iz istorii russkogo modernizma* [Wandering dreams: from the history of Russian modernism]. Moscow: Sovetskii pisatel'; 1992. 429 p. Russian.
23. Apreyan VY, Apreyan YD, Babaeva EE, Boguslavskaya OY, Iomdin BL, Krylova TV, et al. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Language picture of the world and systematic lexicography]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2006. 912 p. Russian.
24. Sirotnina OB. *Vse, chto nuzhno znat' o russkoi rechi. Posobie dlya effektivnogo obshcheniya* [Everything you need to know about Russian speech. Manual for effective communication]. Moscow: Lenand; 2016. 224 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.01.2020.
Received by editorial board 14.01.2020.